

УДК 821.161.1-1.09(045)

*А.А. Честяев***СТИХОТВОРЕНИЕ М. ЗЕНКЕВИЧА «СВЕТ ЛУНЫ» И ЛУНАРНАЯ МИФОПОЭТИКА**

В статье рассматривается поэтика стихотворения М.А. Зенкевича «Свет луны» как концептуальная актуализация лунарной мифологии в структуре первой книги стихов поэта «Дикая порфира» (1912). Конструируя собственный поэтический миф об устройстве мироздания, М. Зенкевич предлагает окказиональную версию акмеистического адамизма, в которой материя мыслится тварным абсолютом бытия. При этом в адамистической мифопоэтике «Дикой порфиры» не только сохраняется, но и отчасти усиливается мистическое начало, сопрягаемое с прозреванием неведомого сквозь материально-эмпирически явленное. Образ луны предстает именно таким носителем таинственного и сокровенного в мифопоэтическом универсуме поэта. Структурно-семиотический и мифопоэтический анализ стихотворения «Свет луны» показывает, что в концепции М. Зенкевича ночное светило мыслится маркером приобщения земного миропорядка к потусторонним, иррациональным основам бытия. В данном тексте поэт демонстрирует укорененность своего акмеистического мировидения в поэтике русского символизма (В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, ранний Н.С. Гумилев), а также обращенность к древним традициям гимнической поэзии. В трех катренах стихотворения сюжетно развертывается действие на земной мир «синего света таинственного тления», его преодоление утренним пробуждением реальности и прославлением «Солнца» и сохранение «лунного света» в сознании «безумцев». Делается вывод о том, что в данном тексте репрезентируется «лунная» тайна бытия, не поддающаяся рациональному пониманию и родственная безумию. Художественная символика «луны» показывает, что культ материи в адамизме М. Зенкевича не только не отрицает потусторонний мир, но и телеологически соотносится с мистическим освоением сущностных законов мироздания.

Ключевые слова: М. Зенкевич, адамизм, лунарная мифология, мистицизм, поэтика гимна, художественная символика.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-367-378

Первая книга стихов М.А. Зенкевича «Дикая порфира» (1912) представляет индивидуально-авторскую версию формирующейся в начале 1910-х гг. акмеистической поэтики. Как известно, акмеизм, нацеленный на преодоление символистской парадигмы творческого мировидения и изменение сущности поэтического слова, исходит из необходимости реонтологизации отношений на оси «человек – универсум». Для ее осуществления, по мысли поэтов-акмеистов, следует вернуться к истокам бытийного самополагания микрокосма в макрокосме, увидеть в себе нового Адама, призванного вновь удивиться миру и заново словесно и ментально наделить именами реалии земного бытия. Адамизм, который провозглашается Н.С. Гумилевым и С.М. Городецким – создателями акмеистической концепции творчества – в качестве идеологического основания новой поэтики, конечно, по-разному понимается и воплощается в художественных системах акмеистов. Каждый из них создает собственный адамистический миф, сопрягаемый с индивидуальными мировоззренческими и творческими установками. Стихотворения М. Зенкевича, составившие его первую поэтическую книгу, в этом отношении демонстрируют явную самобытность понимания адамизма как основы художественного миромоделирования.

В книге «Дикая порфира» поэт прежде всего жаждет проинтегрировать мироздание с учетом всех его тварных феноменов, относящихся не только к историческому прошлому, но и к доисторическим временам. С. Городецкий в рецензии на данную книгу стихов отмечал: «<...> для Зенкевича характерно многообещающее адамистическое стремление называть каждую вещь по имени, словно лаская ее. И сильный темперамент влечет его к большим темам, ко всему стихийному в природе или в истории» [5, с. 61–62]. «Большие темы» в «Дикой порфире» – это опыт постижения лирическим субъектом астрономических, палеонтологических, геологических, биолого-физиологических, исторических и социокультурных феноменов «посюстороннего» измерения мира. При этом М. Зенкевич стремится выявить, уяснить и репрезентировать их онтологическую («органическую») взаимосвязь. Как отмечает Л.Г. Кихней «“органическая модель мира” определяет сквозной сюжет сборника “Дикая порфира”», который развертывается «как взаимодействие и противостояние трех миров: макромира (земли и космоса), “среднего мира” (человека) и “нижнего мира” (природно-биологического)» [14, с. 27]. Соответственно, адамизм в поэзии М. Зенкевича предполагает возврат не к точке истори-

ческого отсчета времени, не к ветхозаветному Адаму, а к постижению истоков зарождения универсума и его тварного развертывания в эмпирической реальности – космоса, природы и человека. Это миропредставление становится основой зенкевичского адамизма и концептуальным ядром его мифопоэтики.

Вяч. И. Иванов первым уловил сущность творческого мировидения М. Зенкевича, указав в отклике на «Дикую порфиру», что поэт «пленился Материей, и ей ужаснулся», и «этот восторг и ужас заставляют его, своеобразно, ново, упоенно <...> развертывать перед нами – в научном смысле сомнительные – картины геологические и палеонтологические» [10, с. 44]. Именно материя как факт миропорядка и как его онтологическая «ткань» является центральным «героем» «Дикой порфиры». Однако при этом поэт не просто упивается материальным аспектом бытия, но и стремится его поэтически отрефлексировать. Следует согласиться с О.А. Лекмановым, что в своей акмеистической книге стихов М. Зенкевич проповедует и утверждает «не возвращение к Адаму, и даже не возвращение к первозданной Материи, но возвращение к диалогу с первозданной Материей» [19, с. 64]. Предлагая опыт постижения материальных основ универсума в их абсолютном смысле, поэт, с одной стороны, декларирует приверженность теории эволюции [35, р. 90], а с другой – постоянно указывает на действие в мире не только материально-эволюционных, но и духовно-интуитивных законов. Этот дуализм – антиномичность материи и духа – образует сущность онтологического конфликта, который определяет логику развертывания адамистической поэтики М. Зенкевича. Представляется, что именно окказиональный миф о материи и ее бытийных проявлениях является концептуальным основанием «Дикой порфиры».

Отметим, что творчество поэта все еще остается малоизученным. В имеющихся исследованиях поэтика М. Зенкевича рассматривается в основном в аспекте его акмеистического самоопределения и творческого новаторства [15; 18; 20, с. 6–38; 25; 27; 31, с. 93–133]. Конечно, материальная эмпирика в зенкевичской поэзии предельно эксплицирована, и это продуцирует фокусирование исследовательского взгляда прежде всего на особенностях явленной в ней версии акмеизма. Стихотворения поэта «отличаются особой, узнаваемой “физиологичностью” образов», в них часто «упоминаются раны, кровь, слизь, внутренние органы» [15, с. 113], то есть те реалии эмпирической действительности, в которых максимально проявляется «органическая» динамика материи как основы существования и развития универсума. Естественное-научное видение устройства природного и человеческого измерений миропорядка, воплощаемое в «Дикой порфире», создает иллюзию рационально-логического понимания бытия М. Зенкевичем, которое вытесняет и заменяет собой интеллигибельные прозрения русских символистов.

На то, что «научность» художественного мировоззрения поэта во многом иллюзорна, указывает явно мифологический характер построения «адамистического» мира в стихотворениях «Дикой порфиры». При этом окказиональная поэтическая мифология в книге М. Зенкевича создается на основе «естественно-научной мистики», где объектом поклонения (и познания) станет могущественная Природа, и потому магистральным мотивом оказывается «мотив поклонения – познания – жертвенности по отношению к природе – первоматерии, стихийной субстанции» [27, с. 125]. Соответственно, естественно-научная парадигма мотивно-образной структуры зенкевичских стихотворений предстает поэтическим означающим, тогда как означаемым (одновременно и манифестируемым, и искомым) является глубинная сущность мироздания. Ее постижение через обожествляемую материю в миропонимании поэта не только не упраздняет духовное измерение бытия, но, наоборот, требует предельного напряжения духовно-интуитивных сил субъектного «я». Парадоксальным образом материя как бытийный абсолют в художественной концепции М. Зенкевича одухотворяется и требует не рационального, а мистического познания. Именно откровение о материи как первоисточке и двигателе тварного мира определяет направление и характер поэтической рефлексии в стихотворениях «Дикой порфиры».

Такой «научный мистицизм» в поэтике и художественной идеологии М. Зенкевича сопрягается с актуализацией глубинных мифопоэтических смыслов и творческой реинтерпретацией мифологической символики. Индивидуально-авторский миф о материи интегрирует различные традиционные мифы в качестве онтологических и аксиологических параметров моделируемого универсума. В стихотворениях «Дикой порфиры» обнаруживаются различные проявления космогонической, эсхатологической, солярной, лунарной мифологии. Думается, что мифологизм и мистицизм зенкевичской поэзии обусловлены двумя факторами. Во-первых, творческая индивидуальность М. Зенкевича закономерно формируется

под непосредственным и существенным влиянием символизма – прежде всего брюсовского извода¹. Несмотря на стремление к преодолению символистских творческих стратегий, декларируемое акмеистами и другими участниками первого «Цеха поэтов», они сохраняют и мотивно-образные, и ценностно-смысловые связи с символизмом. Очевидно, что, приобщившись к символистской поэтической практике и отчасти освоив ее в своих первых стихотворных опытах 1906–1909 гг., М. Зенкевич не избавляет ее, а трансформирует, подчиняя собственному адамистическому мировидению.

Во-вторых, создавая окказиональный миф о материи, поэт устремляется не только и не столько к естественно-научному обоснованию ее эмпирических проявлений посредством художественных знаков, сколько к утверждению идеологемы тварной «вездесущности» бытийного первоисточка – природы, реализующей и обретающей себя в бесконечном множестве форм и обликов. При этом материя, явленная в природе и истории человечества, М. Зенкевичем мыслится не бездушной и бессмысленной субстанцией, развертывающей себя во вселенной, а, напротив, телеологически сознающим себя тварным субстратом мира, порождаемым божественным актом творения (ср.: «Ты дико-сумрачна и косна, / Хоть окрылил тебя Господь, – / Но как ярка, как кровеносна / Твоя железистая плоть!» («Гимны к материи»)) [8, с. 44]). Соответственно, в конструируемой поэтом модели универсума именно мистическое откровение о материи становится залогом постижения сути отношений на оси «человек – вселенная». «Материалистический» аспект рефлексии лирического субъекта в стихотворениях М. Зенкевича постоянно сопрягается с глубинным мифологизмом человеческого самоопределения в мире. Адамистическая мифопоэтика в «Дикой порфире» явно нацелена на прозрение неведомого сквозь материально-эмпирически явленное бытие.

Особый интерес в этом отношении вызывает актуализация «лунного» измерения миропорядка. Образ луны в поэзии М. Зенкевича предстает явным и нарочитым носителем таинственного и сокровенного смысла бытия, осознание которого нарушает упорядоченность течения земной жизни. Обращение поэта к лунарной мифопоэтике вполне закономерно, так как в идеологическом самосознании литературы и искусства рубежа XIX–XX вв. «луна» становится одним из ключевых символов и максимально раскрывает накопленный тысячелетиями смысловой потенциал. Представая мифопоэтической универсалией и с древних времен углубляя суждения человека о материальном и духовном устройстве миропорядка, данный знак характеризуется принципиальной широтой значений. «Луна» «является символом циклического ритма времени, универсального становления»; «фазы» ее «зарождения, исчезновения и появления <...> на небосводе символизируют бессмертие и вечность, постоянное обновление, просвещение» [17, с. 190]. При этом «луна» воплощает «темную сторону природы; духовный аспект света во тьме; внутреннее знание, интуитивное, иррациональное и субъективное; человеческий разум в виде отраженного света божественного Солнца» [17, с. 190]. Эти значения лунарной образности оказываются принципиально востребованными в поэтике русского модернизма, в которой предельно повышается внимание к тайной, сокровенной, «темной» стороне бытия.

В современном литературоведении наблюдается возрастание интереса к лунарным аспектам поэтики и идеологии модернистов. Заметны исследования и общих лингвопоэтических параметров репрезентации образа луны в литературной практике XX в. [24], и частных реализаций художественной «лунарности» в творчестве отдельных авторов [7; 23; 33]. Повышенное внимание к «лунному» измерению творчества поэтов рубежа XIX–XX вв. определяется, во-первых, предельной широтой представления образа луны в их произведениях, а во-вторых, отчетливой концептуализацией данного символа в индивидуально-авторских моделях мира. Лунарная мифопоэтика русской поэзии Серебряного века, с одной стороны, порождается символистской рефлексией над сущностью проявлений «потустороннего» мира в мире земном, а с другой – мощным смысловым потенциалом образа луны, олицетворяющего тайны бытия, познание которых требует предельного напряжения интуиции и духовных сил человека.

Репрезентация «луны» и лунарной мифологии в «Дикой порфире» М. Зенкевича оказывается достаточно специфичной и, на первый взгляд, малосущественной. Поэт в своих мифопоэтических и онтологических устремлениях отдает явное предпочтение солярному аспекту бытия: образы солнца и «солнечная» символика предстают интегральной основой данной книги стихов. «Луна» же представлена в «Дикой порфире» предельно скупой. Только в четырех стихотворениях обнаруживается экс-

¹ Воздействие поэзии В.Я. Брюсова на «Дикую порфиру» отмечается во многих критических откликах на эту книгу стихов [26, с. 338].

пликация «лунных» образов. Однако количественная редукция образа луны оборачивается повышением его качественных характеристик, то есть усилением аксиологических значений в контексте утверждаемой поэтом мифопоэтической модели мира. Представляется, что осмысление лунарной символики в книге «Дикая порфира» является необходимым шагом к уяснению сущности индивидуально-авторских представлений о мироздании поэта, «преодолевающего символизм», а точнее – интегрирующего символистскую творческую практику в акмеистическую концепцию поэзии.

В настоящей статье предлагается структурно-семиотическое и мифопоэтическое рассмотрение поэтики и художественного смысла стихотворения М. Зенкевича «Свет луны» в контексте лунарной мифологии. Данный поэтический текст, по изначальному, но не осуществленному замыслу поэта, предполагавшему градицию «Дикой порфиры» на четыре раздела («Материя», «История», «Лирика», «Переводы»), должен был войти в раздел «Лирика», в стихотворениях которого эксплицируется синтез макромира и микромира с акцентом на антропологическом восприятии земных воплощений материи. Соответственно, «луна» для поэта здесь становится знаком индивидуации постижения космических ритмов и материальных действий универсума. Думается, что данное стихотворение наиболее полно раскрывает представления М. Зенкевича о «луне» как материально-космическом объекте и мистико-эзотерическом символе бытия.

Отметим, что в первых («доакмеистических») опытах М. Зенкевича, отмеченных явным влиянием символизма, лунарные мотивы и образы выдвигаются на первый план и определяют ценностные ориентиры художественной рефлексии лирического субъекта. В стихотворениях поэта 1906–1909 гг. акцентирование «луны» сопряжено с инфернальностью, демонизмом, эротизмом, кошмарным мороком изображаемых событий и состояний человеческого «я»². «Лунный» мир здесь, во-первых, маркирует границу между явью и инобытием, а во-вторых, определяет ментальное смещение лирического «я» в область потусторонних процессов и свершений. Очевидно, что «лунарность» в ранних поэтических опытах М. Зенкевича определяется влиянием символистского «декаданса» и репрезентирует сокровенный ужас, порождаемый соприкосновением с огромной вселенной. Отчасти переживание этого ужаса в дальнейшем, в поэтике «Дикой порфиры», продуцирует экстатический восторг и культ всеильной материи. При этом «луна» ранних стихов поэта преображается: ее оккультный «демонизм» сменяется астрономическим «мистицизмом».

В книге «Дикая порфира» «луна» появляется в четырех поэтических текстах. Помимо интересующего нас «Света луны», «лунные» образы представлены в стихотворениях «Танец магнитной иглы», «Свершение» и «Подняв неслышно два прилива...». В первых двух текстах акцентирован астрономически-физический аспект «луны» как спутника Земли (ср.: «То пред Ним, как перед тягой лунной, / Вдруг от моря, вставшего стеной, / Влагой побуревшей и чугунной / Бьет Нева смущенная отбой» («Танец магнитной иглы») [8, с. 46]; «И он настанет – час свершения, / И за луною в свой черед / Круг ежедневного вращения / Земля усталая замкнет» («Свершение») [8, с. 47]), а в третьем – оккультно-эзотерический, «потусторонний» план влияния «лунной» силы на земное бытие (ср.: «Подняв неслышно два прилива: / Желчь океанов, крови дев, / Луна пустынная лениво / Встает, средь серой мглы зардев» («Подняв неслышно два прилива...») [8, с. 77]). Очевидно, что для М. Зенкевича «луна» мыслится «той сущностью, которая не могла сохранять свою целостность, но претерпевала “болезненные” изменения в форме, что выражалось в ясном и полностью видимом цикле», а также была близка «биологическому порядку вещей» так как «подчинена законом перемен, роста (от юности к зрелости) и упадка (от зрелости к старости)» [13, с. 253]. Оба аспекта «лунарности» – астрономический и мистический – актуализируются в стихотворении «Свет луны», которое и в силу заглавия, и

² Ср.: «Могут только на миг, беглый трепетный миг / Свои души спясть два земных существа / В один мощный восторг, в один радостный крик, / Чтоб парить в звездной бездне, как дух божества. / Этот миг на востоке был гимном небес – / В темном капище, *осеребренной луной*, / Он свершался под сенью пурпурных завес / У подножья Астарты, холодной, ночной» («Нам, привыкшим на оргиях диких, ночных...») (1908) [8, с. 38]; «В ответ веселые бубны / Звенели *серебром луны*, / И вдруг средь пестроты туманной / Гремел вальс дикий и вакханский...» («Бред») (1908) [8, с. 39]; «В хаосе дымных мирозданий, / Как хищный коготь, – *лунный диск*» («Крик сычей») (1908) [8, с. 40]; «Чтоб забыл я тебя, тихий, *лунный мираж*, / И того, кому душу свою ты отдашь...» («Я б хотел умереть, точно ястреб степной...») (1908) [4, стб. 109]; «И видит тот же кошмарный сон – / Ночь... *Месяц*... Тускло блести Распятый, / Обезображен, окровавлен» («Протяжно воют ночные звери...») (1908) [4, стб. 110] (Курсив наш. – А. Ч.).

по устройству его поэтики, следует считать апогеем зенкевического постижения «лунного» измерения бытия в книге «Дикая порфира».

Итак, стихотворение «Свет луны» состоит из трех катренов, каждый из которых являет определенный сюжетный этап постижения «лунного» аспекта миропорядка внеличным лирическим субъектом, занимающим «надмирную» позицию «всеведения» и «вездесущности». Такая субъектная позиция свидетельствует о том, что репрезентируемая в стихотворении «лунарность» мыслится онтологическим абсолютом для земной реальности.

В первой строфе «луна» предстает источником инобытийного воздействия на земной мир, явленный в его природно-ландшафтном, сугубо «материальном» измерении:

На камыш, на зыбкие растенья,
На сухие мхи и валуны
Синий свет таинственного тленья
Льют, как лаву, кратеры луны [8, с. 79].

«Лунный» свет, течение которого определяет здесь динамику сюжетного развертывания текста, как видно, лишается инфернальности и демонизма, присущих «луне» и ее свечению в символистской поэтике³. У М. Зенкевича «луна» порождает не экстатический надрыв приобщения к инобытию, а, напротив, сомнамбулическое оцепенение мира, подверженного излианию лунного света. «Лунный» мир здесь предстает той онтологической силой, которая принципиально внеположна человеку с его переживаниями и страстями. Конечно, типологически в этом можно усмотреть преемственность раннему символизму, в поэтике которого «лунарность» проявляет себя в репрезентации мира отражений, теней, демонически эфемерных грез и соблазнов. Как констатирует А. Ханзен-Лёве, в раннем («диаволическом») символизме «луна не сплавляет – подобно Солнцу – потусторонние энергии с вообразаемыми проекциями этого мира, она лишь предоставляет сцену для спектакля странных колебаний между рефлексией (абсолютного) и проекцией (имманентного), между бытием и видимостью, светом и тьмой (“царством теней”), добром и злом» [30, с. 200]. Так, иллюзорность и потусторонняя беспристрастность характеризует «лунарность» в ранней поэзии В. Брюсова, акцентирующего в семантике лунных образов холодность и бесстрастность: «Бесстрастно в вышине печалилась луна, / Стонала вдалеке беспечная волна» («Беглец» (1894)) [3, с. 77]; «Сияет венец вокруг холодной луны. / Чьим стоном нарушен покой тишины?» («В камышах» (1995)) [3, с. 83]; «Луны холодные рога / Струят мерцанье голубое / На неподвижные снега» («Снега» (1994)) [3, с. 90]. Однако если в поэтике символизма «луна» принципиально отделена и бытийно отдалена от земного мира, предстывая отстраненным ночным светилом, то у М. Зенкевича она целенаправленно воздействует на природную реальность Земли.

Универсальность мифологического и оккультно-эзотерического восприятия «лунарности» обусловлена тем, что «ритмы Луны соединяют самые разные гармонии, симметрии, аналогии и участия, составляющие бесконечную “ткань”, “сеть” из невидимых нитей, которые связывают одновременно человечество, дождь, растительность, здоровье, животных, смерть, перевоплощение, загробную жизнь и многое другое» [34, с. 176]. Как видно, именно «излучение» лунного света, вынесенное в заглавие стихотворения М. Зенкевича, мыслится онтологическим фактором тварного развития природы в ее «ночной» (тайной) ипостаси: «камыш», «зыбкие растенья», «сухие мхи и валуны» впитывают в себя «свет луны», тем самым приобщаясь к вземным источникам витальных сил. Само же лунное свечение предстает в ипостаси «синего света».

Цветовая символика здесь особенно значима, так как в концепции «Дикой порфиры» предельно сакрализованы красный и золотой цвета и их многочисленные дериваты [20, с. 18–25]. В рассматриваемом же стихотворении сакральный статус обретает «синий» цвет, символически отдаленный и от материальной «кровенности» «красного», и от духовной «властности» «золотого». В мифопоэтике

³ Например, в символистской лирике Н. Гумилева, повлиявшей на творческие принципы М. Зенкевича, «лунный лик» ужасает и провоцирует опробовать путь в преисподнюю (ср.: «Но каждую полночью так страшно и низко / Наклоняется лик луны // И в сумрачном ужасе от лунного взгляда, / От цепких лунных сетей, / Мне хочется броситься из этого сада / С высоты семисот локтей» («Семирамида» (1909)) [6, с. 251]; «Но в мире есть иные области, / Луной мучительной томимы. / Для высшей силы, высшей доблести / Они навек недостижимы» («Но в мире есть иные области...» (1909)) [6, с. 240])).

синий цвет обладает широким спектром значений и может символизировать «истину, интеллект, откровение, мудрость, лояльность, верность, постоянство, непорочность, чистые побуждения, <...> большие глубины, женскую стихию вод» [17, с. 357–358], а также – смертельное измерение мира [1, с. 173], «созерцание, сосредоточенность, погружение в себя» [1, с. 318]. В стихотворении М. Зенкевича «синий свет таинственного тленья», изливаемый «луной», представляет амбивалентное действие лунной (внеземной) материи на материю земную (природно-антропологическую): свечение «луны» являет собой и витальное воздействие на природный мир, и смертельное («таинственное тленья») напоминание о конечности материальных форм. «Синий свет» «луны» оказывается своеобразным *memento mori* для земного мира во всех его биологических проявлениях.

Но при этом «луна» в данном стихотворении М. Зенкевича, как и в других текстах «Дикой порфиры», предстает прежде всего астрономическим объектом. «Луна» здесь не мистическое светило ночного неба, а планетарно-космический феномен – спутник Земли, что подчеркнуто пейзажно-пространственным знаком в ее поэтическом представлении: «Льют, как лаву, кратеры луны». Акцентирование особенностей лунного ландшафта, обусловленное научными данными, свидетельствует о соединении в мифопоэтике М. Зенкевича «естественно-эволюционных» и мистических представлений о бытии. «Кратеры луны» как астрономическое явление не только не препятствуют мистическому «излучению» «синего света» в земной мир, но, наоборот, наделяют его предельно сакральным значением, так как они – «кратерные» излучатели – являют внеземную реальность, инобытие, астрономическую «потусторонность». И с этой лунарной «потусторонностью» связывается сокровенная тайна миропорядка.

Представленное в начальной части стихотворения «лунно-ночное» влияние на земной мир далее сменяется картиной солярного преобразования миропорядка. Во второй строфе изображается земной универсум, преодолевающий влияние «лунарности» и входящий в «солнечный» регистр существования:

А на утро, синий свет познаний
У расщелин древних затая,
Вновь над кровью жертвенных закланий
Гимны Солнцу запоет Земля [8, с. 79].

Сущность «лунного света» здесь меняется: «синий свет таинственного тленья» превращается в «свет познаний». Это указывает на явный эзотеризм «луны» в восприятии М. Зенкевича: ночное светило для поэта обладает потенциалом прояснения не только материальной сущности бытия, но и глубинной тайны мироздания как такового. «Синий свет познаний» мыслится откровением об универсуме, и потому его присутствие в мире таится, сохраняясь в древних (то есть приближенных к первоисточникам миропорядка) пространствах, тогда как земная (эмпирическая) реальность преодолевает действие «лунного света» посредством встречи восходящего солнца.

Как известно, «в большинстве мифологических систем обнаруживается ценностно-смысловая оппозиция «Луна – Солнце», в которой «первый член чаще всего оказывается отрицательным, что связано с меньшей ролью божества луны по сравнению с божеством солнца в развитых мифологиях» [9, с. 79]. Исследования показывают, что «по отношению к солярному культу лунный культ явился огромным контрастом, который существует между днем и ночью, между светом и тьмой», и «поэтому Луна почти во всех мифологиях предстает не как самостоятельный, а как контрастный образ» [21, с. 517]. Однако очевидно, что М. Зенкевич в своей мифопоэтической модели мира ориентируется не столько на исходное со-противопоставление луны и солнца, сколько на их тварно-органическую взаимосвязь в едином акте бытийного самодвижения материи. Поэтому смена «лунарного» мира «солярным» в утренних координатах времени суток – пространственно-временная норма. Но при этом поэт акцентирует внимание на утреннем явлении солнца как на предельно сакральном действии, превращая смену «лунарности» «солярностью» в пределах суточного времени в мистериальный акт преодоления тьмы («синего света познания») солнечным светом.

Упоминание древней традиции поклонения солнцу («Гимны Солнцу запоет Земля») актуализирует в структуре стихотворения солярный миф о преобразении земного мира в лучах восходящего солнца. По мысли П.А. Чеснялис, здесь изображается «пограничное состояние» Земли, связанное с «возвращением Солнца, от которого зависит существование сверх-субъекта – природы» [31, с. 111],

то есть утверждается переход из мортальной (лунной) в витальную (солнечную) область мирпорядка. Такая актуализация солярной мифологии на фоне изначальной «лунарности» обладает онтологическим смыслом. «Солнце» как материальный светоч мира в художественной концепции М. Зенкевича аксиологически и онтологически выше «луны». Поэтому «гимны Солнцу» вполне закономерный мистериальный акт, в котором можно усмотреть следствие пифагорейской традиции встречи-восхваления солнца на его рассвете. Как известно, в пифагорействе и наследующих ему концепциях «солнце» являет собой «в первую очередь не небесное тело, пусть даже и самое значительное, но нечто большее, облеченное в форму мифологического образа: “видимый бог”, “всевидающий”, “ум”, “правитель”, “светильник мира”», и поэтому оно мыслится духовной «частью мировой стихии: “вселенского” “всеобъемлющего” огня» [16, с. 31–32]⁴.

Отметим, что онтологическое взаимодействие «луны» и «солнца» в концепции М. Зенкевича родственно их сопряжению в книге стихов К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце» (1903). В бальмонтской мифопоэтике, абсолютизирующей вынесенный в заглавие солярный образ, лунарные мотивы и знаки не только не утрачивают своего ценностно-смыслового значения, но, напротив, мыслятся необходимым условием утверждения символистского культа Солнца. В таких стихотворениях поэта, как «Новолуние», «Лунное безмолвие», «Влияние Луны», именно «лунное» измерение бытия определяет аксиологический аспект самоопределения лирического субъекта в миропорядке⁵. В цикле же «Восхваление Луны», носящем жанровый подзаголовок «псалом» и актуализирующем гимническую поэтику, наблюдается предельная сакрализация лунарного начала в мифопоэтической структуре миропорядка: «Луна велит слагать ей восхваленья, / Быть нежными, когда мы влюблены, / Любить, желать, ласкать до исступленья, / И так – восхвалим царствие Луны // Она глядит из светлой глубины, / Из ласковой прохлады отдаленья, / Она велит любить нам зыбь волны, / И даже смерть, и даже преступленья» [2, с. 326]. Однако при этом бальмонтский художественный мир остается солярным в своих глубинных основаниях. Как показывает М.В. Марьева, «лунарность» в книге «Будем как Солнце» способствует построению «образной иерархии с главенствующим титульным “персонажем” книги» и порождает идеологему замены «солнца» «луной» в «теновом», «ночном» мире, создающей «иллюзию равноценности замещающего и замещенного персонажей» [22, с. 166]. При этом «луна» остается именно иллюзорным двойником солнца, его бытийным «суррогатом», что в целом присуще поэтике младосимволизма, с которой начинает сближаться бальмонтское творчество в начале 1900-х гг. «Луна» здесь «играет роль дополнения по отношению к солнечному началу» [29, с. 136].

Именно в плане иерархических отношений «лунарного» и «солярного» начал обнаруживается расхождение мифопоэтики М. Зенкевича с художественной идеологией К. Бальмонта. Если старший поэт концептуально подчиняет «луну» «солнцу», то младший явно отказывается от подобной иерархии, так как ночное и дневное светила в его модели универсума, во-первых, астрономически, разноприродны, а во-вторых, мистически разноплановы. При этом те «Гимны Солнцу», которые утром «запоет Земля» мыслятся «дневным» актом восхваления материи, не упраздняющим «лунный» мир, а на время останавливающим его действие. Представляется, что именно акцентирование гимна как жанрово-дискурсивной формы высказывания («Гимны Солнцу») определяет семантический план стихотворения. Так как «по своему происхождению гимн является культовой песнью, предназначенной для прославления какого-либо божества и его деяний» [32, с. 45–46], гимнической поэтике имманентна сакрализация объекта хвалы. Явленное как «гимны Солнцу» поклонение солярному источнику жизни на Земле, обнаруживает онтологическую «изнанку» – лунный мир, который для М. Зенкевича не менее важен, нежели солярный. На это указывает «затаенность» «синего цвета познаний» в пространствах «древних расщелин», то есть в подсознании, в «ночном» мире человеческой ментальности.

В третьей строфе «лунарность» вновь помещается в центр сюжетного развития стихотворения, но теперь действие «лунного света» обнаруживается в «дневных» координатах земного мира:

⁴ Возможно, что «солнцепоклонничество» в стихотворении М. Зенкевича аллюзивно соотносимо с живописным полотном Ф.А. Бронникова «Гимн пифагорейцев восходящему солнцу» (1869), которое изображает пифагорейский мистический восторг перед солярным явлением природы.

⁵ Ср.: «Серп Луны молодой, / С лучезарной звездой, / В голубой тишине, / Сказкой чудится мне» [2, с. 323]; «Непрерываемо дрожание струны, / Ненарушаема воздушность тишины, / Неисчерпаемо влияние Луны» [2, с. 323]; «И бродим, бродим мы пустынями, / Средь лунатического сна, / Когда бездонностями синими / Над нами властвует Луна» [2, с. 324].

Лишь безумцам, тусклым изумрудом
Отстоявшись и оледенев,
Лунный луч сверкнет неожиданным чудом
В сумрачных зрачках влюбленных дев [8, с. 79].

В отличие от «солнца», обеспечивающего жизненные процессы земного макромира и потому открывающего свою сущность всей тварной природе, «луна» мыслится эзотерическим феноменом в структуре универсума, и ее «свет», тождественный тайной стороне бытия, в «дневной» реальности постигаем только посвященными. Такими адептами лунарной «изнанки» мироздания предстают «безумцы», то есть те, кто отвергает рациональный путь познания и жаждет интуитивных откровений о смысле вселенского существования. Именно «безумцам» «луна» сигнализирует о своем присутствии в солярной реальности «дня».

При этом лунный «синий свет» претерпевает метаморфозы. Во-первых, он «каменеет» и уподобляется «изумруду». В мифопоэтике этот драгоценный камень традиционно символизирует «бессмертие, надежду, весну, юность, верность, прибывающую луну» [17, с. 78]. Очевидно, что для М. Зенкевича первостепенны именно лунарные свойства «изумруда», тогда как его «весенние» свойства явно нивелируются⁶. При этом эпитет «тусклый» указывает на сокрытие, завуалированность «света луны» в его «каменном» представителе. Во-вторых, «отстоявшись и оледенев», «лунный свет» обретает пристанище в женском «я». В большинстве древних мистерий «луна» олицетворяет непорочное женское начало, и лунарный символизм в различных мифологических, религиозных и оккультно-эзотерических практиках сопрягается с представлением о «луне» как мировой женственности, «женской силе, Матери-Богини, Царице Небесной» [17, с. 190]. Женщина как носитель «лунарности» и лунная природа любовных отношений постулируются в поэзии старших символистов⁷. В поэтике М. Зенкевича, как видно, причастность женского начала «луне» сохраняется, и именно «влюбленные девы» оказываются хранительницами и мистическими трансляторами «лунного света». «Лунный луч», преображенный женским взором, дарует «нежданное чудо», то есть откровение о тайных смыслах мироздания, тем, кто способен его узреть и принять – «безумцам» (влюбленным, мистикам, поэтам).

Очевидно, что лунарная мифология в концепции поэта являет онтологический противовес «научной мистике», эксплицируя древнее мистериальное постижение тайных основ бытия. Если в большинстве стихотворений «Дикой порфиры» М. Зенкевич раскрывает «темное родство» человечества с природной органикой мировой материи, то здесь он, напротив, указывает на действие в мире мистических («лунных») сил, которые, хотя и явлены астрономически («кратеры луны»), преодолевают естественно-природное развертывание универсума и свидетельствуют о духовной тайне мироздания. «Лунарные» «безумцы» являют собой тех, кто способен ощутить «родство» с миром, не только в материально-эмпирическом, но и в духовно-эзотерическом плане.

Как видно, творческая рецепция и реализация лунарной символики в творчестве поэта требует внесения существенных коррективов в представления о «естественно-научном» адамизме его книги стихов «Дикая порфира». Более того, явленная в ней поэтика и идеология «лунарности» показывает, что адамистическое миропонимание М. Зенкевича во многом основано на символистских представлениях о мире. Поэтика стихотворения «Свет луны» показывает и доказывает правоту тезиса о том, что «между символизмом и постсимволизмом никогда не было существенного разрыва» [28, с. 215], а был глубокий и многоаспектный конвергентный диалог творческих индивидуальностей.

Таким образом, изложенное позволяет утверждать, что в стихотворении М. Зенкевича «Свет луны» представлена индивидуально-авторская версия лунарной мифопоэтики, сопряженная как

⁶ «Лунарная» трактовка «изумруда» явно отличает зенкевичскую поэтику от постулирования данного камня в символистской мифопоэтике. Так, в творчестве Вяч. Иванова «изумруд» предстает «весенним, чувственным», а также «несколько “легкомысленным” камнем» [12, с. 34], который воплощает неиссякаемую витальность мироздания: «Твоих лучей живые силы / В прозрачных светах не замрут, / Пока луга весны нам милы, / О ненаглядный изумруд!» [11, с. 755].

⁷ Так, и у В. Брюсова, и у К. Бальмонта акцентировано воздействие «луны» на влюбленных и их сакральное подчинение лунному аспекту бытия (ср.: «Но жив тот свет, что раз возник / В мирах соединенных. / И озаряет лунный лик / Безумных и влюбленных» (В. Брюсов «Предание о луне» [3, с. 259]; «Восславим, сестры, глубину, / Любовь к любви, любовь-волну, / Восхвалим ласки и – Луну // Она одна, она одна / Для всех влюбленных нам дана, / Непобедимая – Луна!» (К. Бальмонт «Восхваление Луны») [2, с. 328].

с адамистическими исканиями поэта, так и с традициями русского символизма. Во-первых, в зенкевичской рецепции «луна» сохраняет свои астрономические свойства, то есть предстает не только сакральным, но и планетарно-космическим феноменом бытия. Во-вторых, мистическое действие «лунарности» сопряжено с «ночным» состоянием мира и преодолевается явлением солнца, то есть утверждается идеологема преобразования лунарного хаоса солярным порядком. В-третьих, «луна» в концепции М. Зенкевича мыслится проявлением неведомого (потустороннего) мира, которое сохраняет себя в солярной упорядоченности бытия через женское начало и чувство любви.

Лунарная символика в стихотворении М. Зенкевича «Свет луны», с одной стороны, определяется эмпирически-материальными аспектами репрезентации реальности, а с другой – оказывается проводником мистического начала и онтологической иррациональности универсума. «Луна» и ее «синий свет» в окказиональной мифопоэтике М. Зенкевича одновременно предстает и астрономическим явлением большого космоса, и ментальным проводником человеческого «я» («безумца»-поэта) в инобытие. Это свидетельствует о том, что адамизм поэта с его культом материи не только не отрицает потусторонний мир и его проявления, но и телеологически направлен на постижение тайных законов универсума и мистическое освоение его сущностных законов. «Солнце» и «луна» для М. Зенкевича – не только материальные объекты космического пространства, но и носители сущностных смыслов мироздания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балека Я. Синий – цвет жизни и смерти. Метафизика цвета. М.: Искусство–XXI век, 2008. 408 с.
2. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: В 7-ми томах: Т. 1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 504 с.
3. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. М.: Художественная литература, 1973. 672 с.
4. Весна: Альманах. СПб.: «Товарищество художественной печати», 1908. 238 стб.
5. Городецкий С.М. М. Зенкевич. «Дикая порфира» // Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманов и А.А. Чабан. СПб.: Гуманитарная Академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 61–62.
6. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. 502 с.
7. Дмитриев П.В. Луна в поэзии М. Кузмина // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст. СПб.: ООО «АРТ БУК», 2022. С. 154–188.
8. Зенкевич М.А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-пресс, 1994. 688 с.
9. Иванов Вяч. Вс. Лунарные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х томах. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1992. С. 78–80.
10. Иванов Вяч. И. *Marginalia* // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 38–45.
11. Иванов Вяч. И. Собрание сочинений. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. 872 с.
12. Каяниди Л.Г., Павлова Л.В. Ярким камнем богаты: мир самоцветов в поэзии Вячеслава Иванова. Смоленск: Свиток, 2017. 288 с.
13. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: ЗАО Центрополиграф, 2010. 525 с.
14. Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М.: МАКС-пресс, 2001. 183 с.
15. Кихней Л.Г., Ламзина А.В. Специфика «рамочного текста» в книгах М.А. Зенкевича «Дикая порфира» и «Под мясной багрянницей» // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 3. С. 112–124.
16. Кузьмин А.В. Философские модели Космоса Пифагора и Филолая: от Античности до начала Нового времени // Философская мысль. 2021. № 6. С. 27–41. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35865 (дата обращения: 15.01.2023 г.)
17. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: «Золотой век», 1995. 402 с.
18. Ламзина А.В. «Рамочные» элементы текста в книгах стихов Михаила Зенкевича 1910-х – 1920-х годов // Россия в мире: Проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Пенза: ПГТУ, 2022. С.83–97.
19. Лекманов О.А. Книга об акмеизме // Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: «Водолей», 2000. С. 7–184.
20. Лекманов О.А. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М.: Intrada, 2006. 124 с.
21. Маркелова Е.Е. Мифопоэтика луны в русском искусстве рубежа XIX – XX веков // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 2 (2). С. 516–520.
22. Марьева М.В. Книга К.Д. Бальмонта «Будем как Солнце»: Эклектика, ставшая гармонией. Иваново: Издатель Епишева О.В., 2008. 280 с.

23. Матвеева О.Н., Папшева Г.О. Символика небесных светил в поэтическом тексте Н.С. Гумилева: лунная символика // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2022. Т. 32, вып. 5. С. 1072–1078.
24. Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Персонификация луны и месяца в русской литературе // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета. Т. 22. Смоленск: СмолГУ, Свиток, 2022. С. 10–23.
25. Полтаробатько Е.Д. Природа и культура в русском постсимволизме: телесный код в поэзии М. Зенкевича // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 3. С. 11–16.
26. Тименчик Р.Д. Зенкевич М.А // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая Росс. энциклопедия, 1992. С. 337–339.
27. Тырышкина Е.В., Чеснялис П.А. Эстетика адамизма: лирика М. Зенкевича 1910-х годов // Идеи и идеалы. 2017. № 3 (33). Т. 2. С. 117–131.
28. Успенский П.Ф. Символизм как точка сборки: новые исследования русского модернизма // Russian Literature. 2020. Vol. 114–115. P. 203–217.
29. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
30. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
31. Чеснялис П.А. Эстетика и поэтика адамизма в ранней лирике В. Нарбута и М. Зенкевича. Дисс. ... канд. филол. наук / Новосибирск: НГПУ, 2015. 149 с.
32. Шкаренков П.П. Гимн // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 45–48.
33. Штырлина Е.Г. Образ луны в поэтическом творчестве К.Д. Бальмонта // Филология и культура. 2017. № 3 (49). С. 96–100.
34. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
35. Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. XXXII. P. 84–97.

Поступила в редакцию 12.11.2022

Чевтаев Аркадий Александрович, кандидат филологических наук,
доцент кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного
ФГБОУ ВО «Российский государственный гидрометеорологический университет»
190103, Россия, г. Санкт-Петербург, Рижский пр., 11
E-mail: achevtaev@yandex.ru

A.A. Chevtaev

M. ZENKEVICH'S POEM "THE LIGHT OF THE MOON" AND LUNAR MYTHOPOETICS

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-367-378

The article examines the poetics of the poem "The Light of the Moon" by M.A. Zenkevich as a conceptual actualization of lunar mythology in the structure of the poet's first book of poems "The Wild Porphyry" (1912). Constructing his own poetic myth about the structure of the universe, M. Zenkevich offers an occasional version of acmeistic adamism, in which matter is thought of as the created absolute of being. At the same time, in the adamistic mythopoetics of "The Wild Porphyry" the mystical principle is not only preserved, but also partially strengthened, coupled with the insight of the unknown through the materially-empirically revealed. The image of the moon appears to be just such a carrier of the mysterious and intimate in the mythopoetic universe of the poet. The structural-semiotic and mythopoetic analysis of the poem "The Light of the Moon" shows that in the concept of M. Zenkevich, the night luminary is thought of as a marker of the introduction of the earthly world order to the otherworldly, irrational foundations of being. In this text the poet demonstrates the rootedness of his acmeistic worldview in the poetics of Russian symbolism (V.Y. Bryusov, K.D. Balmont, early N.S. Gumilev), as well as his appeal to the ancient traditions of hymn poetry. In the three quatrains of the poem, the action on the earthly world of "the blue light of mysterious decay" unfolds, as well as its overcoming by the morning awakening of reality and the glorification of "the Sun" and the preservation of "the moonlight" in the minds of "madmen". It is concluded that this text represents "the lunar" mystery of being, which defies rational understanding and is akin to madness. The artistic symbolism of "the moon" shows that the cult of matter in M. Zenkevich's adamism does not deny the other world, and even teleologically correlates with the mystical development of the essential laws of the universe.

Keywords: M. Zenkevich, adamism, lunar mythology, mysticism, poetics of hymn, artistic symbolics.

REFERENCES

1. Baleka Ya. Sinij – cvet zhizni i smerti. Metafizika cveta [Blue is the color of life and death. Metaphysics of color]. Moscow, Iskusstvo–XXI vek Publ., 2008, 408 p. (In Russian).
2. Bal'mont K.D. Sobranie sochinenij: V 7-mi tomah: T. 1 [Collected works: In 7 volumes: Vol. 1]. Moscow, Knizhnyj Klub Knigovek Publ., 2010, 504 p. (In Russian).
3. Bryusov V.Ya. Sobranie sochinenij: V 7-mi tomah. T. 1. Stihotvoreniya. Poemy. 1892–1909 [Collected works: In 7 volumes. Vol. 1. Poems. Poems. 1892–1909]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1973, 672 p. (In Russian).
4. Vesna: Al'manah. [Spring: Almanac] St. Petersburg, "Tovarishchestvo hudozhestvennoj pechati" Publ., 1908, 238 columns. (In Russian).
5. Gorodeckij S.M. M. Zenkevich. «Dikaya porfira» [M. Zenkevich. "Wild Porphyry"]. Akmeizm v kritike. 1913–1917 [Acmeism in criticism. 1913–1917]. Ed. by O.A. Lekmanov and A.A. Chaban. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ.; Timofey Markov's Publ., 2014, pp. 61–62. (In Russian).
6. Gumilev N.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 10-ti tomah. T. 1. Stihotvoreniya. Poemy (1902–1910) [The complete works: In 10 volumes. Vol. 1. Poems. Poems (1902–1910)]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1998, 502 p. (In Russian).
7. Dmitriev P.V. Luna v poezii M. Kuzmina [The Moon in M. Kuzmin's poetry] // Russkij modernizm: Poetika. Tekstologiya. Istoriko-literaturnyj kontekst [Russian Modernism: Poetics. Textology. Historical and literary context]. St. Petersburg, OOO "ART BUK" Publ., 2022, pp. 154–188. (In Russian).
8. Zenkevich M.A. Skazochnaya era: Stihotvoreniya. Povest'. Belletristicheskie memuary [The Fabulous Era: Poems. The story. Fictional memoirs]. Moscow, Shkola-press Publ., 1994, 688 p. (In Russian).
9. Ivanov Vyach. Vs. Lunarnye mify [Lunar myths] // Mify narodov mira. Enciklopediya: V 2-h tomah. T. 2 [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 volumes. Vol. 2.]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1992, pp. 78–80. (In Russian).
10. Ivanov Vyach. I. Marginalia. Trudy i dni [Works and Days], 1912, no. 4–5, pp. 38–45. (In Russian).
11. Ivanov Vyach. I. Sobranie sochinenij. T. 1 [Collected works. Vol. 1]. Bryussel, Foyer Oriental Chrétien, 1971, 872 p. (In Russian).
12. Kayanidi L.G., Pavlova L.V. Yarkim kamen'em bogaty: mir samocvetov v poezii Vyacheslava Ivanova [Rich in bright stone: the world of gems in the poetry by Vyacheslav Ivanov]. Smolensk, Svitok Publ., 2017, 288 p. (In Russian).
13. Kirlo H. Slovar' simvolov. 1000 statej o vazhnejshih ponyatiyah religii, literatury, arhitektury, istorii [Dictionary of symbols. 1000 articles about the most important concepts of religion, literature, architecture, history]. Moscow, ZAO Centropoligraf Publ., 2010, 525 p. (In Russian).
14. Kihnej L.G. Akmeizm: Miroponimanie i poetika [Acmeism: Worldview and Poetics]. Moscow, MAKS-press Publ., 2001, 183 p. (In Russian).
15. Kihnej L.G., Lamzina A.V. Specifika «ramochnogo teksta» v knigah M.A. Zenkevicha «Dikaya porfira» i «Pod myasnoj bagryancej» [The specifics of the "framework text" in M.A. Zenkevich's books "Wild porphyry" and "Under The Meat Purple"] // Filologicheskij klass [Philological Class], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 112–124. (In Russian).
16. Kuz'min A.V. Filosofskie modeli Kosmosa Pifagora i Filolaya: ot Antichnosti do nachala Novogo vremeni [Philosophical models of the Cosmos of Pythagoras and Philolaus: from Antiquity to the beginning of Modern Times] // Filosofskaya mysl' [Philosophical Thought], 2021, no. 6, pp. 27–41. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35865 (Data obrashcheniya: 15.01.2023). (In Russian).
17. Kuper J. Enciklopediya simvolov [Encyclopedia of Symbols]. Moscow, "Zolotoj vek" Publ., 1995, 402 p. (In Russian).
18. Lamzina A.V. «Ramochnye» elementy teksta v knigah stihov Mihaila Zenkevicha 1910-h – 1920-h godov ["Framework" elements of the text in the books of poems by Mikhail Zenkevich of the 1910 s – 1920 s]. Rossiya v mire: Problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnej i social'noj sfere [Russia in the world: Problems and prospects for the development of international cooperation in the humanitarian and social sphere]. Penza, Penza State Technical University Publ., 2022, pp. 83–97. (In Russian).
19. Lekmanov O.A. Kniga ob akmeizme [A book about Acmeism] In: Lekmanov O.A. Kniga ob akmeizme i drugie raboty [A book about Acmeism and Other Works]. Tomsk, "Vodolej" Publ., 2000, pp. 7–184. (In Russian).
20. Lekmanov O.A. O trekh akmeisticheskikh knigah: M. Zenkevich, V. Narbut, O. Mandel'shtam [About three acmeistic books: M. Zenkevich, V. Narbut, O. Mandelstam]. Moscow, Intrada Publ., 2006, 124 p. (In Russian).
21. Markelova E.E. Mifopoetika luny v russkom iskusstve rubezha XIX – XX vekov [Mythopoeitics of the moon in Russian art of the turn of the XIX – XX centuries]. // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2012, vol. 14, no. 2 (2), pp. 516–520. (In Russian).
22. Mar'eva M.V. Kniga K.D. Bal'monta «Budem kak Solnce»: Eklektika, stavshaya garmoniej [K.D. Balmont's book "We Will Be Like The Sun": Eclecticism, which has become harmony]. Ivanovo, Episheva O.V. Publ., 2008, 280 p. (In Russian).
23. Matveeva O.N., Papsheva G.O. Simvolika nebesnyh svetil v poeticheskom tekste N.S. Gumileva: lunarnaya simvolika [The symbolism of the heavenly bodies in the poetic text by N. S. Gumilev: Lunar symbolism] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology], 2022, vol. 32, no 5, pp. 1072–1078. (In Russian).

24. Petrova Z.Yu., Fateeva N.A. Personifikaciya luny i mesyaca v russkoj literature [Russian Russian Philology: The Personification of the moon and the month in Russian Literature] // Russkaya filologiya. Uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Russian philology. Scientific Notes of Smolensk State University], Smolensk: Smoltnsk State University Publ.; Svitok Publ., 2022, vol. 22, pp. 10–23. (In Russian).
25. Poltarobat'ko E.D. Priroda i kul'tura v russkom postsimvolizme: telesnyj kod v poezii M. Zenkevicha [Nature and culture in Russian post-symbolism: the body code in the poetry by M. Zenkevich] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism], 2008, no. 3., pp. 11–16. (In Russian).
26. Timenchik R.D. Zenkevich M.A. [Zenkevich M.A.]. Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'. T. 2 [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary. Vol. 2]. Moscow, Bol'shaya Ross. Enciklopediya Publ., 1992, pp. 337–339. (In Russian).
27. Tyryshkina E.V., Chesnyalis P.A. Estetika adamizma: lirika M. Zenkevicha 1910-h godov [Aesthetics of Adamism: lyrics by M. Zenkevich of the 1910s]. Idei i idealy [Ideas and Ideals], 2017, no. 3 (33), vol. 2, pp. 117–131. (In Russian).
28. Uspenskij P.F. Simvolizm kak tochka sborki: novye issledovaniya russkogo modernizma [Symbolism as an Assemblage Point: New Studies of Russian Modernism] // Russian Literature, 2020, no. 114–115, pp. 203–217. (In Russian).
29. Hanzen-Lyove A. Russkij simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskij simvolizm. Kosmicheskaya simvolika [Russian symbolism. The system of poetic motifs. Mythopoetic symbolism. Cosmic symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 816 p. (In Russian).
30. Hanzen-Lyove A. Russkij simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannij simvolizm [Russian symbolism. The system of poetic motifs. Early symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1999, 512 p. (In Russian).
31. Chesnyalis P.A. Estetika i poetika adamizma v rannej lirike V. Narbuta i M. Zenkevicha [Aesthetics and poetics of Adamism in the early lyrics of V. Narbut and M. Zenkevich]. Diss. ... kand. filol. nauk [Dissertation of the Candidate of Philology]. Novosibirsk, NGPU, 2015, 149 p. (In Russian).
32. Shkarenkov P.P. Gimn [Hymn] // Poetika: Slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij [Poetics: Dictionary of current terms and concepts]. Moscow, Kulagina's Publ.; Intrada Publ., 2008, pp. 45–48. (In Russian).
33. Shtyrlina E.G. Obraz luny v poeticheskom tvorchestve K.D. Bal'monta [The image of the moon in the poetic work by K.D. Balmont]. Filologiya i kul'tura [Philology and Culture], 2017, no 3 (49), pp. 96–100. (In Russian).
34. Eliade M. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya [Essays on Comparative Religious Studies]. Moscow, Ladomir Publ., 1999, 488 p. (In Russian).
35. Rusinko E. Adamism and Acemist Primitivism. Slavic and East European Journal, 1988, no. XXXII, pp. 84–97. (In English).

Received 12.11.2022

Chevtaev A.A., Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of Russian Philology and Russian as a Foreign Language
Russian State Hydrometeorological University
Rizhsky avenue, 11, Saint Petersburg, Russia, 190103
E-mail: achevtaev@yandex.ru